

Оглавление

Авторское предуведомление	8
Военные	10
Мир	10
Режимный объект Чанъань	10
Место действия	10
Город	10
Императорский город	18
Дворцовый город	23
Дворцовый комплекс Великих светил	30
Действующие лица	33
Режим	50
Аудиенции	62
Почётный караул	67
Резиденция	67
Выезд	80
Нарушения режима	87
Незаконный проход и проникновение	87
Сакральные объекты	87
Светские святыни	96
Тонкости входа и выхода	111
Неправомерный вход	111
Режим ворот	114
Ночной вход и выход	120
Когда император отсутствует	124
Несанкционированные ночёвки	128
Несанкционированные задержки	133
Аннулирование допуска	137
Тонкости сопутствующего поведения	139
Высочайший выезд	139
Запретная стрельба	142
Запретное наблюдение	149
Стража	155
Криминальные нарушения	155
Подмена на посту	155
Неправомерное пребывание на посту	162
Дисциплинарные нарушения	166
Опоздание на службу	166
Изменение назначений на пост	169
Оставление оружия	175
Снятие с поста	176

Вне столицы	179
Огороженные объекты	179
Внутренние заставы	186
Режим застав	188
Незаконный проход и проникновение	188
Несанкционированный проход через заставу	188
Запрещённый проход через заставу	194
Дополнительные функции застав	204
Проход через заставу преступников	204
Затруднения прохода через заставу	206
Проход через заставу с военными	207
Проход через заставу с запретными вещами	211
Где мы — там граница	214
Проникновение за пограничные заставы	214
Режим пограничных застав	219
Режим сторожевых башен	224
Война	228
Отход с обороняемых объектов	233
Отход с боевых позиций	235
Неправомерные перемещения войск	237
Неправомерные реквизиции	245
Неправомерная выдача вооружения	249
Недостачи при мобилизации	250
Набор в армию	252
Подмена новобранцев	258
Уклонение от набора	265
Опоздания на смотры	268
Неправомерные задержки новобранцев	271
Неправомерные отпуска	273
Нарушение сроков смены	278
Криминал в гарнизонах	281
Судейские	284
Общие замечания	284
Возбуждение дела	291
Исходные коллизии	291
Донос	300
Оформление доноса	300
Ложный донос	304
Анонимный донос	307
Подстрекательство к подаче доноса	309
Искажение обстоятельств в доносе	310
Ограничения на подачу доноса	313
Явка с повинной	317
Иерархия инстанций	321
Поимка	325
Задержание	325
Тайна следствия	335
Сопrotивление при задержании	339
Самочинное задержание	345
Обращение за помощью при задержании	348

Вознаграждение	350
Тюремное содержание	352
Взятие под стражу	352
Забота об арестантах.	357
Побег из-под стражи.	360
Ответственность за необнаружение побега.	364
Преступное содействие побегу.	374
Вызволнение арестанта.	374
Передача орудий для высвобождения.	380
Побег в мир иной.	384
Ведение следствия	388
Помощь в даче ложных показаний.	392
Впутывание третьих лиц	398
Ограничение темы следствия.	400
Допросы и пытки.	403
Допрос с применением битья.	403
Нормирование пытки	406
Техническое нормирование пытки и наказания битьём	408
Не подверженные пытке группы.	410
Непризнание вины арестантом и «обратная пытка» .	414
Избиение подследственных.	417
Этапирование.	422
Очные ставки	422
Объединение дел.	424
Вынесение решения	426
Неадекватность приговоров	428
Неадекватность приговоров по общесемейной ответ-	
ственности	436
Неправомерное использование информации об амни-	
стиях.	438
Иерархия принятия решений	442
Формальная обоснованность приговора и Высочайшие	
решения	447
Согласие подсудимого с приговором	448
Сомнительные преступления	451
Осуществление наказания.	453
Отношение к беременным	453
Отправка на каторгу и в ссылку	456
Нарушения режима работ.	459
Заменяющие наказания	462
Внесение откупов и конфиската	465
Смертная казнь	469
Замена вида казни	478
Заключение	481
Библиография	493

СУДЕЙСКИЕ

Общие замечания

Правоприменительная практика, её эффективность и её дефектность, её динамика и бытующие в массовом сознании представления о ней являются важнейшими показателями жизнеспособности социума. Фактически это зона, где встречаются и взаимодействуют идеальные представления общества (точнее, его господствующей, ответственной за всё общество группы) о самом себе, о том состоянии, в какое оно желает и пытается себя привести, с одной стороны, и сугубая реальность — с другой. Закон всегда исходит из идеала: все преступления исчерпывающе раскрыты, все преступники (в том числе и нерадивые правоприменители) выявлены и пойманы, причём без нарушения процессуальных норм, все реально функционирующие судьи добросовестны, неподкупны и искушены во всех хитросплетениях права. Если бы не презумпция этих условий, законы вообще не имело бы смысла писать. Но в жизни между всеми этими молчаливо постулируемыми параметрами и действительностью всегда сохраняется больший или меньший зазор, обусловленный природой как человека вообще, так и каждого данного общества в частности.

Конкретные особенности разнообразных зазоров такого рода есть предмет самостоятельных, отдельных исследований, выходящих за рамки данной работы. Но понятно, что даже самый идеальный закон применяют реальные люди, а их действия в одной и той же ситуации весьма сильно могут различаться в зависимости от того, в какой степени каждый заботится о себе, а в какой — и о родной социальности тоже. Вдобавок и сами социальности могут весьма сильно розниться по такому, например, параметру, как большая или меньшая лёгкость и престижность честного соблюдения закона; в одних социальных условиях легче и выгоднее исполнять закон, в иных — вертеть им в собственных корыстных интересах или, по крайней мере, следовать более своим желаниям и представлениям, нежели букве права.

Степень эффективности правоприменительных механизмов в огромной степени зависит от общего состояния морали в обществе. Это состояние определяется множеством глубинных факторов. От правоприменения общественная мораль зависит в куда меньшей степени,

нежели правоприменение от морали. Хотя и нельзя сказать, что не зависит вовсе. Чем более работники правоохранительной сферы мотивированы соображениями справедливости и общественного блага, тем эффективнее правоприменительная практика, а чем она эффективнее — тем более соображения справедливости и общественного блага укореняются в обществе. До некоторой степени это автокаталитический процесс, и чтобы он пошёл вспять, нужны какие-то очень сильные социальные встряски и трансформации, способные продемонстрировать значительной части населения, в том числе — его верхов, что руководствоваться идеальными соображениями или хотя бы всерьёз принимать их в расчёт стало опасно или по крайней мере неоправданно хлопотно и обременительно.

Словом, далеко не секрет, что состояние дел в правоприменительной сфере является одной из самых заметных лакмусовых бумажек, способных нагляднейшим образом свидетельствовать как о состоянии дел в обществе, так и, что ещё более важно, о его перспективах.

Нелишним будет отметить и ещё один существенный момент, обычно не привлекающий должного внимания.

Именно процессы правоприменения, методы дознания, соображения об адекватности и неадекватности тяжести наказания тяжести преступления, отношение к тем, кто при вынесении приговоров действует вразрез с такими представлениями, отношение к правонарушителям — как к всего лишь вероятным (то есть к подозреваемым), так и к тем, чья вина уже доказана, да и сами способы такого доказывания, могут служить, пожалуй, самыми яркими и точными характеристиками представлений о справедливости, сформировавшихся и бытующих в данной культуре. Сами эти представления, как правило, носят достаточно расплывчатый, аморфный, абстрактный характер. По теоретическим рассуждениям о справедливости как таковой трудно представить, в каких конкретных социальных механизмах и индивидуальных действиях она могла бы быть воплощена. Но обобщённые морализаторские рассуждения говорят много меньше, чем уже откристиализовавшиеся в социуме нормы, являющиеся предельно конкретными, можно сказать — материальными воплощениями идеальных представлений. Кажущиеся в данном обществе естественными и практически безальтернативными, устоявшиеся и не вызывающие протеста ни у правых, ни у виноватых нормы содержания под стражей, принципы ведения следствия, правовые преференции, предоставляемые разного рода специфическим группам лиц, преступивших закон, и прочие частности пенитенциарной системы неизбежно имеют ярко выраженный культурологический аспект. А потому они порой способны, пусть и в косвенной форме, поведать о пропитавших данную культуру представле-

ниях о людях и отношениях между ними куда больше, чем специально посвящённые этой проблематике трактаты.

Танская династия правила Китаем на протяжении почти трёх веков (618–907), и понятно, что как власть, так и страна в целом не могли не претерпеть за это время многочисленных перемен как в лучшую, так и в худшую сторону.

Раздел «Описание уголовного законодательства» («Синфа чжи») «Старой истории Тан» («Цзю Тан шу») даёт немало пищи для размышлений на эту тему.

Вполне естественно, что состояние страны при первых императорах Тан описывается в превосходных тонах. Ведь то были основатели государства и династии, спасители от пресловутых (хотя, вероятно, позднейшими китайскими историками сильно преувеличенных) сумасбродств и тиранства последнего правителя из династии Суй (581–618). Военному и экономическому перенапряжению был положен конец, была прекращена кровавая междоусобица, держава и власть оказались на подъёме, и, как всегда в таких ситуациях, преступность шла на убыль, а моральный и деловой уровень государственного аппарата достигал пиковых показателей. Судебные реформы в основном сосредоточивались на облегчении и упрощении системы наказаний, отмене наиболее суровых кар, поощрительном отношении к населению¹.

Уже при основателе Тан Ли Юане, императоре Гао-цзу (618–627), начались попытки облегчить бремя честного соблюдения законов. В 5-ю луну 7-го года правления Гао-цзу был издан эдикт, в котором плачевное положение дел в сфере правоприменения характеризовалось как результат застарелой сложности, перепутанности, противоречивости мелочных и жестоких норм права.

Вследствие этого лукавые чиновники, поднаторев в несправедливых обвинениях (*цяоди* 巧詆), по своему произволу миловали и карали, а одураченный народ, бестолково наталкиваясь [на запреты], то и дело попадал в силки [законов]².

А надо, говорилось в эдикте, добиться вот чего:

Чиновничество станет немногочисленным и деловитым... доклады о наказаниях и судебные решения — справедливыми, [при вынесении приговоров перестанут] спорить из-за пустяков. Жестокосердие будет обуздано, а смертные казни отринуты³.

¹ Этого процесса я касался в разделе, посвящённом составлению танского уголовного кодекса «Тан люй шу и». См.: [Рыбаков, 2013. С. 39–43].

² Цзю Тан шу. Цз. 50.

³ Там же.

И действительно, доходило до того, что сам император Тай-цзун (627–649), унаследовавший от отца ещё не слишком крепкий престол и окончательно стабилизировавший ситуацию в стране, заложивший основы долгой жизни своей династии, лично облегчал участь тех, кто мог оказаться подвергнут смертной казни за словесное соучастие в государственной измене:

Тай-цзун, просматривая списки заключённых, был опечален тем, что [виновный] подвергнется смерти, и растрогался до глубины души. ...Поскольку нарушение закона, состоящее в [произнесении] злобных слов, неспособно нанести вред, то обстоятельства легки, так что братья [изменника] могут быть избавлены от смерти и подвергнуты всего лишь ссылке⁴.

Или — это уже при преемнике Тай-цзуна, Гао-цзуне (650–684):

Гао-цзун, взойдя на престол, относился с почтением к старым порядкам времён Чжэнь-гуань (то есть времени правления Тай-цзуна под девизом Чжэнь-гуань. — *B. P.*)... и заботился об осторожности в применении казней. Как-то он спросил распорядителя приказа Великой справедливости (*дали цин* 大理卿) Тан Линя о количестве находящихся в тюрьмах арестантов. Тан Линь ответил: «Налицо немногим более пятидесяти заключённых, и только двое подлежат смерти». Император обрадовался малому числу заключённых и просиял челом⁵.

Можно сказать, что «дней Александровых прекрасное начало» длилось в танском государстве в течение по меньшей мере полутора долгих царствований. Потом, как обычно бывает, когда титаническими усилиями государственнической элиты благополучие и безопасность оказываются достигнуты, правящий слой раскалывается на группировки, перетягивающие достигнутый результат одна у другой в своё частное пользование. И это сразу сказывается на правоприменении.

Вот что говорится о времени императрицы У-хоу, царствовавшей сначала от имени престарелого мужа, Гао-цзуна (660–684), затем от имени двух сыновей, последовательно становившихся императорами-марионетками (684–690), и в конце концов провозгласившей императором себя (690–705):

[У] Цзэ-тянь была сурова в применении наказаний. После мятежа Сюй Цзин-е и армейских возмущений в Юй и Бо она стала бояться непостоянства людских сердец и хотела грозной силой подчинить Поднебесную. Мало-помалу она стала выдвигать жестоких чиновников,

---

⁴ Цзю Тан шу. Цз. 50.

⁵ Там же.

настойчиво приказывала судить по всей строгости и доводить судебные дела до наказаний⁶.

И в таких условиях, разумеется, началась кровавая каша:

...Поступил секретный доклад о том, что ссыльные в Линнани возымели тайное намерение совершить измену, и тогда послали.. Вань Го-цзюня.. незамедлительно провести следствие, а если будут обнаружены признаки измены, обезглавить [виновных]. Го-цзюнь, прибыв в Гуанчжоу, отовсюду призвал и собрал ссыльных, оттеснил их к берегу и всех перебил. Более трёхсот человек одновременно лишились жизни. А уж затем он правдами и неправдами добился [подтверждения] наличия измены. И тогда направил облыжный доклад, где говорилось: «Во всех провинциях ссыльные по большей части затаили обиды. Если не расследовать этого, бунт не замедлит». Цзэ-тянь вполне с этим согласилась. И повелела... Лю Гуань-е, Лю Дэ-шоу... по 6 провинциям провести допросы ссыльных. Гуань-е где появлялся, там убивал. Он казнил 900 человек, Дэ-шоу казнил 700 человек...⁷

Или:

Цзюнь-чэнь всякий раз, когда вёл следствие, вне зависимости от лёгкости или тяжести [обвинения], часто лил в нос [подследственному] уксус, или запирали в подземной темнице, или сажал в большой кувшин, разводил вокруг огонь и поджаривал...⁸

Всякий раз, когда появлялся Указ о помиловании имеющих арестантов, Цзюнь-чэнь обязательно сначала посылал в тюрьму солдат, которые убивали всех, чья вина была тяжела, а уже затем объявлял [Указ]⁹.

При этом, разумеется, высокоморальных и гуманных законов, сформулированных в уголовном кодексе «Тан люй шу и», никто не отменял.

Нельзя не отметить, что подобное положение хотя и выглядит как жестокое глумление над законностью, но имеет притом и положительную сторону. После нормализации обстановки к соблюдению законов очень легко вернуться, это происходит почти автоматически и вдобавок одобряется населением как простое возвращение к нормальной жизни, а не как очередное нововведение, от которого неизвестно ещё, чего ждать.

Взаимосвязь ситуации в стране и правоприменения не была для китайских мыслителей секретом даже в древности. Ещё в описываю-

⁶ Цзю Тан шу. Цз. 50.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

щем древнюю китайскую администрацию трактате «Чжоу ли» («Уставления династии Чжоу»), создание которого относится к временам, во всяком случае, до нашей эры, упоминается, что существуют три типа законов (*сань дянь* 三典), каждый из которых соответствует стадии развития государства и положению в нём: в новых, только что возникших государствах (*синь го* 新國) применяются лёгкие, мягкие, щадящие законы (*цин дянь* 輕典), в государствах процветающих, достигших мира и благоденствия (*пин го* 平國), — законы средней степени суровости, умеренные (*чжун дянь* 中典), а в государствах, где возникли смуты и мятежи (*луань го* 亂國), применяются тяжкие, суровые, жестокие законы (*чжун дянь* 重典)¹⁰.

Аберрации правоприменения могли вызываться и более сложными и подспудными факторами, нежели просто жестокость и нежелание разбираться в реальных делах. Многоступенчатые процедуры установления справедливости¹¹ неизбежно выливались время от времени в конкуренцию высших инстанций в их претензиях на правоту. Причём правота эта могла подразумевать не только правоту в решении конкретного судебного дела. Установление справедливости в рамках отдельного решения оказывалось в таких условиях лишь поводом для соревнований куда более масштабных. Итисада Миядзаки приводит поразительную историю, — относящуюся, правда, уже ко времени правления династии Сун (960–1279), но общие принципы правоприменения оставались теми же, — когда одно лишь уголовное дело о бытовом преступлении (невеста нанесла ранение ненавистному ей жениху) в течение целого года занимало внимание крупнейших сановников империи, ибо, будучи вовлечены в дискуссию, они уже не могли отступить и признать свою неправоту; конкуренция по частному вопросу оказалась лишь предлогом для политической конкуренции придворных группировок.

...Мы можем заключить, что обсуждение дела одной крестьянской женщины занимало сунскую высшую администрацию на протяжении около года — возможно, самый необычный пример юридического процесса в мире на тот момент. Ясно, что речь в этом случае шла более чем о юридических принципах, и процесс явно отражал политическую борьбу Ван Ань-ши и его оппонентов. Тем не менее примечательно, что политический конфликт в Китае тысячу лет назад принял форму дебатов относительно правильного решения апелляции¹².

¹⁰ Чжоу ли. Раздел *цюгуань:сыкоу:дасыкоу*.

¹¹ Судебная часть (*синбу* 刑部), приказ Великой справедливости (*далисы* 大理寺), терраса Державных наблюдателей (*юйшитай* 御史臺) — эти три самостоятельные и весьма влиятельные инстанции участвовали в разборе сложных дел, и каждая могла иметь своё мнение и приводить свои доводы.

¹² Miyazaki Ichisada, 1980. P. 68–69.

Насколько часто и с какой интенсивностью поиск оптимального решения каверзных судебных дел на высших уровнях администрации отражал борьбу придворных группировок в танское время, сказать сейчас невозможно, но, зная природу человека вообще и чиновника в частности, можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что мотивы подобного рода были нередки и проявлялись, как только к тому возникала хоть какая-то возможность.

Однако прежде чем решать судебное дело какого-то преступника, необходимо соблюсти первейшее и первичное из условий: этого преступника выявить и изловить, что само по себе является задачей довольно трудной как в физическом, так и в организационном, и даже в процессуальном плане. Ряд законов Тан посвящён правильному исполнению и введению в юридические рамки этих необходимейших процедур.

Почти полторы тысячи лет назад танские законодатели ухитрились сформулировать тогдашние законы столь продуманно и столь корректно, что китайская правовая мысль пронесла их дух сквозь века. Можно, конечно, сказать, что произошло это оттого лишь, что им удалось нащупать некие общие для всех правовых систем принципы, — но, во-первых, это и само по себе дорогого стоит. А во-вторых, эти, в сущности, общечеловеческие принципы были встроены в чисто китайскую юридическую механику, и именно это сделало их столь долговечными — для своей страны, разумеется.

Даже не пытаясь всерьёз проследить связи между танским правом и современностью, что потребовало бы громадного специального исследования, и не одного, я не могу отказать себе в удовольствии процитировать колоритнейшие выдержки из довольно специфического китайского правового документа, относящегося уже к XX в.:

Ст. 1. Если коммунист, не исполнявший в коммунистической партии ответственных обязанностей и не совершивший преступных действий, предусмотренных ст. ст. от 2-й до 6-й Временного Закона о наказаниях за контрреволюционные преступления, до выяснения дела сам явится с повинною, то он может быть освобождён от наказания.

Ст. 2. Если коммунист, совершивший преступные действия, предусмотренные ст. ст. от 2-й до 6-й Временного Закона о наказаниях за контрреволюционные преступления, до выяснения дела сам явится с повинною, то положенное за преступления наказание может быть понижено на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ ...

Ст. 4. Если одна часть совершённых коммунистом преступлений была обнаружена, а по остальным преступлениям, до их обнаружения, будет принесена повинная, то положенные за эти остальные преступления наказания могут быть понижены на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$.

Ст. 5. Если явившийся с повинною, уже отбывший более половины срока определённой ему каторжной тюрьмы, проявит себя благона-

дѣжным поведением и даст несомненные доказательства своего раскаяния и исправления, то таковой может быть освобождѣн до срока под поручительство¹³.

Тут и явка с повинной именно до выяснения дела (типично танское «до раскрытия добровольно пришѣл с повинной» — *цзуй вэй фа эр цзышоу* 罪未發而自首)¹⁴, и учѣт полноты или неполноты признательных показаний при такой явке, и цифровые операции со строгостью наказания, и институт освобождения под поручительство (*цюй бао фан* 取保放)¹⁵, и появление снисходительного отношения к преступникам, когда те уже отбыли ощутимую часть срока работ... Далее мы увидим, как все эти механизмы (и многие иные) формировались и оттачивались на заре китайской юриспруденции, за тринадцать веков до коммунистов.

---

¹³ Закон о явке с повинной коммунистов, 1931. С. 105.

¹⁴ Тан люй. Ст. 37; Уголовные установления Тан, 1999. С. 211.

¹⁵ Тан люй. Ст. 386; Уголовные установления Тан, 2005. С. 362.